

Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА

МОЛОДОСТЬ

Р а с с к а з

Я сижу на кухне и бренчу на старенькой шестиструнной гитаре. Песню о мальчишке, который не такой, как все, и не любит дискотеки, с горем пополам заканчиваю и начинаю другую — бабушкину — про синенький скромный платочек, который падал с опущенных плеч. Пела она ее давным-давно, когда мир согревал меня голубым байковым одеяльцем с гномиками... Спустя тринадцать лет я перебираю тонкие струны пальцами, измазанными черной гелевой пастой: «Ты-ы говорила, что не забудешь ласковых, радостных встреч...»

Из туалета выходит отец. Сидел он там долго — «заседал», как говорила бабушка. «Уединился», — поправляла ее мама.

— Ты, Надюш, главное, с самого начала бери в ноту. И потом уже проще будет. — Отец вздыхает и направляется в комнату лежать на кровати.

Брать в ноту не получается, ну и ладно. В коридоре скрипят половицы, это мама идет на кухню, а значит, мне пора собирать учебники, гитару и песенник. На сегодня мое время закончилось.

— Кружку-то свою убери в раковину, — останавливает меня мама и хмурится.

На следующий день в школе я еле-еле высиживаю уроки. Хочется поскорее во двор, слушать, как Вовка Матюхин играет на гитаре и лучше всех берет в ноту. Пока он хрипло поет, как, разбежавшись, прыгнет со скалы, я смотрю в окно на первом этаже. Желтые узорные шторы задернуты не до конца. Это означает, что в любой момент может появиться Раиса Ивановна — вечно чем-то недовольная пожилая соседка. Много раз она гоняла нас отсюда, много раз грозила сдать нас милиции. И каждый вечер мы возвращались и пели песни под окном ее квартиры, потому что здесь самые удобные лавочки: со спинками, друг напротив друга.

На улице стемнело, посерело, и в дыме дешевых сигарет едва проступают очертания жмущихся друг к другу ребят. Вечера стали холодными, и парни согреваются дешевой водкой «Пшеничная» из пластиковых стаканчиков — двух на всю толпу.

Озябший Вовка на весь двор запеваёт, что «у любви у нашей се-ела ба-та-рей-ка», и... Все. Шторы раздвигаются — сморщенная, булькающая щеками Раиса Ивановна открывает форточку. Кричит, что за нами уже выехал наряд. Я сообщаю Раисе Ивановне в ответ, что она долбаная стукачка, но нам приходится оставить лавочки. Ребята подхватывают гитары и двигаются в сторону гаражей, а мы с Вовкой идем греться ко мне в подъезд.

— Капец у меня башка замерзла, — бормочет он, жуя сигарету, пока мы поднимаемся на пятый этаж.

— Смотри, — говорю, устраиваясь на подоконнике, — бабка с первого подъезда на улицу выползла, наверно проверяет, ушли мы или нет.

— В натуре? — Вовка мнет окурок в консервной банке из-под сайры, которую здесь используют как пепельницу. — Да не бойсь. Никакую милицию она не вызывала, пугает только.

А я думаю, что с Вовкой ничего не страшно, и смотрю, как он греет дыханием длинные, покрасневшие от холода пальцы.

— Кстати, Надк, глянь, что осталось! — Вовка достает из-за пазухи недопитую чекушку. — Хочешь?

— Давай! — киваю, хоть и не хочу.

— Зажевать только нечем. Но мы же там без всего пили, и ништяк.

— У-гу... — Бутылочное горлышко обжигает мне губы. Задерживаю дыхание и проглатываю водку так, чтобы не попало на язык, чтобы сразу в горло. От дурноты сводит скулы.

— Офигеть ты пьешь! — восхищается Вовка. — Допивай, что ли, я не буду сам.

Делаю последний вонючий глоток, и у меня начинает кружиться голова. Пустую бутылку Вовка толкает за батарею.

— Ну, это... Я что сказать-то хотел... Короче, мы, по ходу, теперь с Юлькой гуляем. Как-то само все получилось. — Он мнется. — Короче, ты не парься из-за этого, ну мало ли. Лады?

— Да фиолетово.

Я слезаю с подоконника и иду к лестнице.

— А чё, а куда ты?

— Подышать.

«Фиолетовофиолетовофиолето...» — плавится и щекочет в голове, а ступеньки перед глазами расплываются в серо-грязное мутное пятно, вот бы не споткнуться, не провалиться в эту пропасть... Я бегу вниз по лестнице. Скорее бы выбраться на свежий воздух. А вот и моя квартира на первом этаже. Интересно, получится ли с разбегу пройти сквозь дощатую дверь? Не сейчас, сейчас — на улицу...

Я обеими руками толкаю тугую дверь, вырываюсь из душной черноты подъезда и перегибаюсь через перила — меня тошнит. Только успеваю утереться рукавом, как выходит Вовка.

— Надка! Ломанулась, как ненормальная, еле догнал. Ништяк кружит?

— Нет. Вообще не действует, — отвечаю я, глядя, как соседний дом медленно поднимается и улетает в небо. Хочется постоянно поддуть в глаза, делая вид, что мешает челка.

— Отстой. Ну или ты какая-то неорганическая. — Вовка ежится и вытряхивает из пачки L&M последнюю сигарету. — Холодно, блин. А ты завтра гитару вечером вынесешь? Я как раз новую песню подбираю, у «Наутилуса» «Дыхание», знаешь? «Я слу-шаю-нашеды-хани-е...» И тебя научу. Там, правда, почти все на барре играется, но я тебе поставлю руку, вообще не вопрос!

Он закуривает и как-то быстро высасывает сигарету до фильтра, не сбивая пепел.

— Слушай, Вов, я, наверно, домой.

Серый пепельный столбик с его сигареты падает на асфальт и рассыпается.

— Ну и я пойду, что ли. — И настороженно оборачивается: — Только родакам про то, что пила со мной, не говори. Захотела — выпила, да — да, нет — нет.

А дома все смотрят телевизор, и я, стараясь вести себя «как обычно», стелю себе на диване под рекламу. Трое парней пинают друг другу мяч, и вдруг он перелетает через живую изгородь. Самый симпатичный бежит за мячом, а там празднуют свадьбу — пройти без приглашения нельзя. Парень жует конфету «Ментос» и притворяется другом новобрачных. Его пропускают на свадьбу, и он забирает свой мяч.

«Све-ежестъ жи-изни вме-есте с „Ментос“!» — поет за кадром Кипелов из группы «Ария», а я ложусь и, едва сдерживая рвоту, засыпаю.

На физике в класс заглядывает дежурная старшеклассница — меня вызывает завуч, ну и ладно, скорее всего, опять хочет отправить на какой-нибудь конкурс или олимпиаду. Дверь кабинета завуча выкрашена салатовой краской, в одном месте краска облупилась пятном в виде почти кита. Доцарапываю ему хвост.

Наконец негромко стучу.

— Здравствуйте, можно?

— Да-да, заходи.

Кабинет тесный: два стола, кресло завуча, стул напротив, шкафы с бумагами. На столе растянуто расписание уроков. Тикают настенные часы. Под ногтем зудит кусочек краски, никак его достать не получается.

— Надежда, давай обсудим, как ты докатилась до жизни такой? — Евгения Сергеевна глазами указывает на стул, сажусь. — Наша соседка, Раиса Ивановна, приходила утром в школу на тебя жаловаться. Говорит, что шумите вы допоздна, спать ей не даете. Просит поставить тебя на учет.

Вот же, блин, засада.

— Хорошо, что мои окна смотрят в другую сторону, — вздыхает завуч. Она тоже живет в нашем дворе, и сын ее Гриша иногда гуляет с нами. — Я обещала с тобой поговорить.

— Мы не особо и шумели. Она просто докопалась.

— Да я знаю. Кстати, если ты увлекаешься музыкой... — Евгения Сергеевна наклоняется и достает из ящика письменного стола видеокассету. — Возьми-ка, посмотри дома. Гриша записывал, потом можешь через него вернуть. Кстати, у нас ведь через две недели в школе концерт, поэтому, чем во дворе под окнами шуметь, лучше у нас поиграйте. Мы вам и помещение выделим, репетируйте на здоровье.

На кассете черным фломастером написано: «MTV Нирвана 1993». Какое-то старье. Мама обычно ругалась, если я приносила домой чужие кассеты, потому что видак их мог зажевать и тогда были бы проблемы, а однажды в кассете с проката нашелся сухой таракан. Но ведь эта кассета не то чтобы чужая, и, придя домой, я первым делом включаю видак.

Мама с бабушкой на кухне спорят, пора снимать деньги со сберкнижки или нет. Отцу задерживали зарплату, а он все равно ходил на работу. «Пустая трата времени», — говорила бабушка. «Упорство и трудолюбие», — поправляла ее мама.

Шум, помехи, грохот барабанной установки, и вдруг передо мной появляется сиренево-синяя сцена в белых живых цветах. В центре сидит светловолосый взъерошенный парень с гитарой. Он начинает петь небрежно и бархатно, глядя прозрачными глазами куда-то вниз. Его голос звучит свежим весенним ветром, и я ощущаю себя там, среди счастливых восторженных зрителей, слушающей удивительно живую музыку. И будто бы даже веет ароматом диких лилий с привкусом душистой пыльцы и меда. А он продолжает с завораживающей легкой хрипотцой:

Oh no not me
we never lost control
you're face to face
with the man who sold the world...*

И кофта у этого парня серая, вязаная, мохнатая, которая сидит на нем так, будто бы он в ней родился. Мне она очень понравилась. И я захотела себе такую, чтобы в ней выступить на школьном концерте.

У бабушки есть похожая кофта, только синяя и с люрексом. Она бы мне подошла. Но кофту бабушка отдавать отказалась: что еще за выдумки, словно у тебя своей одежды для школы мало, зачем позориться хочешь, у какого еще музыканта, не говори ерунду, надо думать об учебе, надо хорошо учиться, надо заботиться о будущем, надо, надо... Надя-Надя.

Насупленные сидим в комнате по разным углам, бабушка на своем диване, я на своем. Молча смотрим в телевизор. На гитаре не поиграть — мама заняла кухню шитьем. Хлопнула дверь, пришел отец.

* *О нет, не я,
мы никогда не теряли контроль.
Ты — лицом к лицу
с человеком, продавшим мир*
(песня группы «Нирвана» в исполнении Курта Кобейна).

Снова заговорили, зассорились, зажужжали: зачем ходить на работу, если там не платят, ну ведь когда-нибудь заплатят, а на одну пенсию мою не прожить, вы все сидите на моей шее, а ведь уже надо платить по счетчикам, надо, надо, надо...

Я встаю и спрашиваю, какая там погода. Все умолкают. Отец говорит, что начался мелкий дождь, я говорю — отлично, немного прогуляюсь. Они продолжают ссориться, а я не могу больше это слушать, потому что начинает болеть голова.

— Возьми зонт! — кричит мама.

Нарочно не беру.

Во дворе пусто и сыро, тянет куда-то прочь, подальше отсюда. Палисадник, ряды бетонных гаражей, чужая детская площадка, песочница без песка. Сломанные качели. Узкая тропинка в парк, вдоль которой черные обрубленные тополя держат навязчивое, лезущее в глаза серое небо. Я глотнула дождливый воздух. Скорей бы исполнилось восемнадцать, или когда там можно свалить из дома? Свалить и больше не слушать этих скандалов из-за ерунды. Какое же подходящее слово «свалить»: не покинуть дом спокойно и размеренно, а сбежать триумфально. Бросить надоевшую жизнь. Свалить.

Через дорогу — желтые ларьки, со скуки можно поглазеть на кассеты и жвачки, но нет. Там уже стоят Вовка с Юлькой. Держатся за руку. Я залетаю в первый попавшийся безымянный магазин, в котором пахнет конфетами и молоком, и наблюдаю за ними в окно до тех пор, пока они не уходят в сторону дома. Для приличия рассматриваю витрину и, набрав в кармане мелочью шесть рублей, покупаю «Ментос». Выхожу на улицу под магазинный навес и жую белую мятную таблетку. В голове играет музыка с концертной записи. Рот наполняется колючей мятной слюной, и мне становится понятно, что Вовка мне даже и не нравился, какая-то он лажа по сравнению с тем парнем на видеокассете.

Дождь застрочил, как иголка в маминой швейной машинке. Больше никакие свежие мысли не приходят мне в голову, и я бегу домой. Мама моет посуду на кухне, а отец с бабушкой смотрят вечерний выпуск новостей с журналистом на фоне полуразрушенных дымящихся зданий. Они громко спорят о том, кто виноват в трагедии, которая произошла сегодня утром в Америке. Пока чужое горе в далекой стране объединяет две противоборствующие стороны в нашей квартире, я укутываюсь в одеяло, пытаюсь согреться, и засыпаю.

В комнатке под лестницей, откуда техничка вынесла всякий хлам и ведра, темно и очень мало места, но зато никто не мешает и не шумит. Я украсила стены постерами из журналов «COOL» и «Все звезды», позвала Нинку из пятой школы — она играет на синтезаторе — и гитариста Илью из 11-го «Б», он принесет для нас две настоящие электрогитары. И когда мы наконец сыгрались, осталось понять, с какой песней будем выступать на концерте.

— Может, все-таки «Фантома», а? — в пятый раз предлагает Илья.

— Мужская песня...

— Дык почти все мужские, что теперь. А если эту? «В ка-аморке, что за а-актовым залом, репетировал школьный ансамбль, вокально-инструментальный, под названием „Молодость“...» Прямо ведь про нас? — И Илья начинает играть, мурлыча под нос песню «Чижа» о запутанной школьной истории любви, и мы с Ниной подхватываем ритм, и понеслось... Но и эту песню отмечаем: хочется выступить с чем-нибудь необычным.

— Ну а назовемся как? — спрашивает разгоряченный Илья. — Если мы группа, то нужно название. Хоть с этим давайте заранее определимся.

— Надо, чтобы запоминалось, — задумывается Нинка. — Вдруг мы потом с гастролями ездить будем?

— А давайте как в песне у Чижа? Ну, «Молодость».

Мне все равно, как называться, главное — выступить на концерте и показать себя. И здесь, в каморке, мне очень нравится, мы зависаем тут целыми днями вместо уроков, и нас не выгоняют — завхоз и техничка были предупреждены о том, что в школе появилась своя музыкальная группа.

Осенние вечера становятся холоднее, ребята с гитарами собираются в подъездах, чаще — в моем, он больше, вместительнее других. Засиживаемся допоздна, и я обычно возвращаюсь домой к полуночи: знаю, что за меня не волнуются, слышат ведь, что я тут. Рядом.

В комнате темно, родители уже спят. Бабушка на кухне разгадывает кроссворд в газете «Московский комсомолец». Она увлеклась этим не так давно и подходит к процессу творчески: если ответа на вопрос не знает, то пишет слово наугад или как придется. Однажды я нашла у нее «сокошник» — «женский головной убор» по вертикали. Первая буква «к» была исправлена на «с», потому что по горизонтали на вопрос «невероятное удовольствие» бабушка уверенно ответила: «секс». Честнее некуда.

— Ба, а ты чего не спишь?

— Да так... Чай будешь пить?

Я мою руки холодной водой и иду к ней на кухню.

— Надюша, я сегодня во дворе встретила Евгению Сергеевну, — непривычно тревожно начинает она.

— И что?

— Говорит, что уроки пропускаешь.

Вот коза. Бабушка ставит на стол две кружки: та, что с розой, бабушкина, та, что в синий горошек, моя. Достает сахарницу с ложечкой, из одного набора — фарфоровые. На дне ложечки налип коричневый сахарный бугорок.

— А она не сказала, что мы готовимся к концерту? Она сама же попросила, говорит, сыграйте! А как мы без репетиций?

Бабушка жует губами, моргает за толстыми линзами очков.

— Репетиции... А потом работать-то где будешь, в кочегарке?

— Снег, наверно, скоро выпадет, — меняю я тему, не поняв прикол с кочегаркой, и мы пьем чай с мятными пряниками, бабушкиными

любимыми. Мне хочется съесть один как в детстве — сначала обгрызть всю сахарную глазурь, а потом уже доедать его «голеньким». Выпив две кружки чая, я обнимаю бабушку и иду спать.

— Что, очень тебе моя кофта нужна для школы? Бери уж, ладно, — в спину мне говорит бабушка.

В день школьного концерта просыпаюсь рано — до будильника еще полчаса — от аромата, доносящегося с кухни. Бабушка уже встала и жарит на завтрак колбасу. Розовые кружочки выгибаются на сковороде, фырчат и плюются жиром, как говорится, ум отъешь. Бутерброд с горячей колбасой я запиваю растворимым кофе со сгущенкой — «невероятное удовольствие», бабушка, это «кайф», — пока она аккуратно складывает кофту для меня в пакет. По радио негромко играет веселая музыка и поют о том, как хорошо на свете жить.

После уроков в каморке я переодеваюсь в бабушкину кофту, цепляю круглый желтый значок с надписью «Не такая, как все» и жду ребят, чтобы отрепетировать нашу песню.

К пяти часам вечера в спортзале собралось много народу. Душно, физрук даже открыл окна, защищенные старыми волейбольными сетками. Читает стихотворение Лермонтова худящая девятиклассница, кружатся под песню группы «Демо» пятиклашки с картонным солнышком в руках.

Наконец ведущая приглашает на сцену группу «Молодость», и рука, которой я держу за гриф электрогитару, тут же покрывается потом.

Зал хлопает, свистит. Мы выходим, рассаживаемся на сцене. Пока Нинка настраивает синтезатор, а Илья подключает наши гитары и проверяет микрофоны, я смотрю в толпу: вот у гардеробной девочек стоит директор, рядом с ней — нарядная Евгения Сергеевна. За ней — мои одноклассники и ребята с параллели, которым уже хочется танцевать: наш номер последний перед дискотекой. Замечаю в толпе отца с «мыльницей»: видимо, мама отправила... Бери в ноту, Надюша. Теперь уже без вариантов.

Ребята уже играют первые ноты, я вступаю с неровным перебором и, кивнув Илье, начинаю петь:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.

И под ритмичный бой мы вместе с Ильей не поем, кричим:

Порой ночной
Мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек.
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?

Еще даже не совсем стемнело, но улицы уже пустые, только две пожилые женщины медленно, держа друг друга под руку, идут мимо школы.

— Слышишь, Рая, музыка откуда-то? Ту-ру-ру, ту-ру-ру...

— Да вон, из школы. Я такое каждый вечер у себя под окном слушаю.

Раиса Ивановна неодобрительно качает головой, но тут до нее доносятся слова знакомого вальса. «Синенький скромный платочек...» Сколько же лет прошло? Сорок? Или даже пятьдесят, страшно подумать — целая жизнь! С подругами по общежитию после учебы она каждый четверг бегала в клуб: посмотреть на танцы, послушать новые мелодии. Сама танцевать стеснялась и чаще стояла у стены. И ведь в тот вечер играл чудесный вальс, ту-ру-ру, ту-ру-ру... Молодой человек с хитрыми глазами, как же его звали, не вспомнить уже, пригласил ее на танец. Она впервые согласилась...

Музыка из школьного окна стихает, раздаются аплодисменты. «Молодость», — вздыхает Раиса Ивановна и, тихонечко напевая себе под нос, как «у любви у нашей села батареяка», ковыляет за подругой домой. А с неба летят первые снежные хлопья, словно одевая землю в пушистую теплую кофту.

